

АННА КАРЕНИНА
АННА ЧЕРНОВА

A small, ornate red floral ornament with symmetrical petals, positioned between the inset photo and the main title.

ИЗМЕНА

Моя маленькая
МЕСТЬ

Анна Каренина

Измена. Моя маленькая месть

«Автор»

2026

Каренина А.

Измена. Моя маленькая месть / А. Каренина — «Автор», 2026

Вика, моя подруга со времен института, стоит растерянная и прячет глаза. — Марин, у нас девочка на работе постоянно хвасталась своим женихом, рассказывала, что он женат, у него двое детей, но он её любит, снимает квартиру и вот-вот уйдёт из семьи. Сегодня она показала фотографию, — подруга опускает голову. — На фото был твой муж. Так я стала той самой «женой», от которой хотят уйти и, возможно, оставить ни с чем!

Анна Каренина

Измена. Моя маленькая месть

Аннотация

Вика, моя подруга со времен института, стоит растерянная и прячет глаза.

— Марин, У нас девочка на работе постоянно хвасталась своим женихом, рассказывала, что он женат, у него двое детей, но он её любит, снимает квартиру и вот-вот уйдёт из семьи. Сегодня она показала фотографию, — подруга опускает голову. — На фото был твой муж.

Так я стала той самой «женой», от которой хотят уйти и, возможно, оставить ни с чем!

Персонаж

Фамилия / как в тексте

Роль

Примечание

Марина

не указана

главная героиня

бухгалтер на удалёнке, мама двоих детей

Денис

не указана

муж Марины (бывший)

изменяет с Леной, уходит из семьи

Вика

не указана

подруга со времён института

приносит новость, “помощник” плана

Лена / Елена

Елена К.

любовница Дениса

22 года, отдел продаж, однушка на Комсомольской

Егор

не указана

сын Марины и Дениса

8 лет, серьёзный, “мужчина в доме”

Ева

не указана

дочь Марины и Дениса

5 лет, очень эмоциональная, боится собаки вначале

Марк

Соловьёв

будущий мужчина Марины
“Марк Андреевич Соловьёв”, директор “Основа”

Герда

—

собака Марка
овчарка, сначала пугает, потом дружит с детьми

Салями

—

кот Марины
рыжий кот, ветклиника, прививки/уколы

Мама Марины

не указана

поддержка/быт

забирает детей, помогает по вечерам

Наташа

не указана

эпизод

пример женщины, которую “развели” на разделе имущества

Света

не указана

эпизод

пример женщины, оставшейся ни с чем из-за оформления на свекровь

Судья

—

эпизод

оформляет развод

Женщина с таксой / дедушка с попугаем

—

эпизоды

очередь в ветклинике

Глава 1. Марина

Ужин уже сорок минут остывает на столе.

— Мам, а папа скоро придёт? — Ева ковыряет вилкой котлету, разбирая её на мелкие кусочки, которые потом всё равно не съест.

— Скоро, малыш. Ешь давай.

Скоро — это наше семейное слово. Папа скоро придёт, папа скоро освободится и перестанет работать по выходным. Скоро, скоро, скоро — как заевшая пластинка, как мантра, в которую я сама давно перестала верить, но продолжаю повторять детям, потому что так правильно и они ещё слишком маленькие для правды.

А правда в том, что Денис приходит домой всё позже, и от него всё реже пахнет офисом и всё чаще — чужими духами, которые он списывает на «надушенных клиенток». Правда в

том, что он смотрит в телефон с такой нежностью, с какой не смотрел на меня уже лет пять. Правда в том, что я боюсь этой правды и поэтому не задаю вопросов.

Егор доедает свою порцию молча — он у меня серьёзный, взрослый не по годам, с отцовскими черными глазами и моим упрямым подбородком. После ужина помогает убрать со стола, хотя я не прошу, и уводит Еву в комнату смотреть мультики, явно чувствует, что маме нужно побыть одной.

Мою посуду и думаю о том, что моя жизнь похожа на эти тарелки — одинаковые, изо дня в день, по кругу. Утром — поднять детей, накормить, отвести в школу и садик. Днём — работа, цифры, отчёты, чужие деньги, которые я считаю лучше, чем свои собственные. Вечером — забрать детей, приготовить ужин, проверить уроки, уложить спать. И так по кругу, по кругу, по кругу, пока не забудешь, что когда-то мечтала совсем о другом.

Звонок в дверь раздаётся так неожиданно, что я роняю тарелку в раковину и она разбивается с оглушительным звоном.

— Мам, ты чего? — кричит Егор из комнаты.

— Всё хорошо, сынок! Тарелка выскользнула!

Вытираю руки о полотенце и иду открывать, гадая, кто это может быть — Денис никогда не звонит, у него ключи, а больше мы никого не ждём.

За дверью — Вика - подруга со времён института, которая обычно предупреждает о визитах за три дня и приходит с тортиком и шампанским. Сейчас она стоит на пороге без тортика, без шампанского, растерянная, с глазами, в которых плещется что-то, от чего у меня внутри становится холодно.

— Вика? Что случилось?

— Можно войти? — голос у неё странный, надтреснутый. — Нам надо поговорить.

Пропускаю её в квартиру, веду на кухню, усаживаю на табуретку, ставлю чайник — всё это на автомате, пока в голове бьётся одна мысль: что-то случилось, что-то плохое, что-то, от чего Вика не может найти слова.

— Ты меня пугаешь, — говорю я, садясь напротив. — Что случилось?

Вика крутит в пальцах телефон, открывает рот, но сказать у нее получается только через секунд десять.

— Марин, я не знаю, как тебе это сказать. Я давно думала — говорить или нет, может я ошиблась, может показалось, но чем больше думаю, тем больше понимаю, что не ошиблась и не показалось, и ты должна знать, потому что на твоём месте — я бы хотела знать, понимаешь?

— Вик, — обрываю её, потому что от этого потока слов у меня начинает болеть голова. — Просто скажи.

Она делает глубокий вдох.

— У нас на работе есть девочка. Лена. Ей двадцать два года, она работает в отделе продаж, и уже полгода хвастается всему офису своим мужчиной. Она не скрывает, что он женат и у него двое детей. Но он её любит, снимает квартиру и вот-вот уйдёт от жены. Мы все слушали и кивали, мало ли таких историй, мало ли дурочек, которые верят в сказки про «он разведётся».

Она замолкает, но через несколько секунд продолжает, и голос её дрожит.

— Сегодня она показала фотографию, — подруга опускает голову. — Она сидела рядом со мной в столовой, листала телефон, и она такая счастливая была, говорила, что он вчера приезжал, привёз цветы, и вот, смотри, какой он красивый. И я посмотрела.

Чайник закипает и щёлкает, но я не могу сдвинуться с места.

— Марин, это был Денис. Я узнала его сразу. Это он, Марин, я уверена.

Я не знаю что сказать. Руки дрожат, в глазах слезы и жизнь вдребезги. Вот что со мной сейчас. Как будто я лечу в пропасть. Воздух вдруг становится густым и тяжёлым, и в груди что-то сжимается так сильно, будто кто-то взял моё сердце в кулак и забыл отпустить.

— Марин? — Вика трогает меня за руку. — Ты как?

Как? Если одним словом — больно. Так больно, что хочется согнуться пополам и завывать, как раненое животное, но я сижу и молчу, потому что за стеной дети, а если я сейчас начну — не остановлюсь. Полгода я засыпала рядом с этим человеком, стирала его рубашки, верила в его «задержусь на работе» — и всё это время он приходил от неё. От двадцати двухлетней девочки, которой он снимает квартиру на деньги, отложенные на наш отпуск. Я думала, мы копим на море для детей, а он покупал ей цветы.

Самое страшное — я ведь чувствовала. Чувствовала – что-то не так, что он отдаляется, а когда возвращается - слишком довольный. Но я не хотела знать. Проще было верить в «клиенты задержали» и «пробки на дороге», чем посмотреть правде в глаза.

А правда вот она — сидит напротив меня в лице моей лучшей подруги и ждёт, что я скажу.

— Спасибо, что сказала, — говорю я, и собственный голос кажется чужим, далёким, будто говорит кто-то другой. — Ты правильно сделала.

Вика обнимает меня, и я чувствую, как она плачет, а я не могу — слёзы не идут, только эта странная пустота внутри, холодная и звенящая.

Денис приходит в одиннадцать — довольный, целует меня в лоб и спрашивает, как дети.

— Нормально, — отвечаю я. — Спят уже.

— Я поем и тоже лягу, устал как собака.

Конечно, устал. Две семьи — это тяжёлая работа.

Ложусь рядом с ним в нашу супружескую кровать, слушаю, как он засыпает через минуту — легко, спокойно, без тени вины — и понимаю одно: плакать я не буду. И кричать не буду. Бить посуду и устраивать сцены — тем более.

Я сделаю по-другому.

Глава 2

Марина

Любовь исчезает. Теперь я знаю это.

Она уходит ночью, на цыпочках, пока муж сопит рядом, а ты лежишь с открытыми глазами и чувствуешь, как внутри становится пусто — там, где ещё вчера было тепло и больно.

Любовь не умирает красиво, как в романах — с последним вздохом и прощальным взглядом. Она просто исчезает. Была — и нету. Ищешь её в себе, роешься, как в старом шкафу, думаешь — может, спряталась где-то, может, ещё найдётся? Но там пусто. Гулко и пусто, как в квартире, из которой вынесли мебель.

Восемь лет я любила этого человека. Родила ему детей, ждала с работы, верила каждому слову. А сейчас он лежит рядом, и я не чувствую ничего. Ни злости, ни боли, ни даже обиды. Просто пустота и понимание, что всё, что было — закончилось. И оплакивать не хочется. Был мираж, картинка, которую я сама себе нарисовала, а настоящий Денис — вот он, спит рядом, и ему снится, наверное, двадцатидвухлетняя красотка, которой он снимает квартиру на наши деньги.

Любовь умерла, да. За одну ночь.

Утром Денис целует меня в щёку, говорит «пока, дорогая» и уезжает на работу. Или к ней. Хотя, какая теперь разница?

Я варю детям кашу, заплетаю Еве косички, проверяю у Егора рюкзак — всё на автомате, как робот. Дети ничего не замечают, и слава богу. Егор умчался в школу, а мы с Евой едем в ветеринарку — ещё неделю назад я записала Саями на прививку, и откладывать сейчас не буду. Саями — это наш рыжий кот, который в первый же день, как мы принесли его домой крошечным котёнком, запрыгнул на стол и стащил целую палку колбасы. Тащил её по коридору, рыча как тигр, а палка была больше него самого. Егору тогда было четыре, он хохотал до слёз и кричал: «Мама, он украл саями!» Так и прижилось.

В клинике очередь. Мы садимся на жёсткие пластиковые стулья, Ева прижимает к себе переноску с котом. Рядом женщина с таксой, бабушка с попугаем в клетке, и тут дверь открывается — и заходит мужчина: высокий, тёмные волосы, дорогой пиджак. А на поводке — огромная псина, похожая на медведя. Немецкая овчарка, кажется, или что-то в этом роде. Псина видит Саями в переноске, рвётся вперёд и начинает лаять — так громко, что хочется заткнуть уши.

Ева вскрикивает:

— Мама! Мамочка!

— Уберите собаку! — говорю я, и голос срывается на крик.

Мужчина даже не дёргается. Стоит спокойно, держит поводок и смотрит на меня с таким выражением, будто я сама виновата в том, что его зверь пугает детей.

— Она не кусается, — говорит он ровным голосом.

— Я рада за него и вас, но ребёнок боится!

— Это ветеринарка, а не детский сад! — но все же мужчина отходит в другой угол, правда псина продолжает рваться и гавкать.

Ева уже плачет, Саями орёт в переноске, а я почему думаю, что именно такие самодовольные мужики и изменяют жёнам. Стоят с каменными лицами, пока вокруг всё рушится, и даже извиниться не могут по-человечески.

Ненавижу его сразу. Ненавижу его костюм от Гучи-Хренучи, его собаку, его спокойный голос и то, как он смотрит — сверху вниз, будто я истеричка, а он — само терпение.

Наконец нас вызывают. Саями получает свой укол, Ева успокаивается, мы выходим на улицу — а я понимаю, что руки до сих пор трясутся. Наверное, не только от собаки, а от всего.

Вечером дети засыпают, а я сижу на кухне и думаю.

Перед глазами стоит Наташа — мы вместе работали три года назад, до того как я ушла на удалёнку. Муж ей изменил с секретаршей, классика жанра, Наташа устроила скандал, выгнала его из дома и подала на развод. Думала, если квартира общая и куплена в браке, суд разделит по справедливости. А муж взял и доказал, что первоначальный взнос — это деньги его родителей, подарок на свадьбу. Нашёл какие-то бумажки, расписки, привёл свою мать свидетелем. В итоге Наташе досталась треть от стоимости квартиры, а это в нашем городе — комната в коммуналке на окраине. Сейчас она живёт там с сыном-подростком, а бывший муж с секретаршей — в их квартире, в центре, с видом на парк.

А Света? Света вообще осталась ни с чем. Квартира была записана на свекровь — «временно, пока ипотеку не закроем, так налоги меньше». Света верила, дура, десять лет верила, а когда муж ушёл к молодой — свекровь просто попросила её освободить жилплощадь. По закону — всё чисто. Никакого обмана. Квартира никогда не была Светиной, она просто жила там как гостя и не замечала этого. Теперь снимает однушку и работает на двух работах, чтобы хватало на съём и на дочку.

Я не буду как они. Не буду! Но жить с мужем дальше я тоже не смогу. Это я знаю точно. Любовь умерла, а без неё что — просто существовать рядом? Готовить ужины человеку, который приходит от другой? Стирать рубашки, в которых он её обнимает? Засыпать рядом с чужим мужчиной и делать вид, что всё нормально?

Нет. На это я не способна. Да и не хочу.

И потом — сколько это может продолжаться? Год? Два? Эта бомба рано или поздно взорвётся. Двадцатидвухлетняя любовница захочет определенности — замуж, детей, нормальную жизнь, а не вечное ожидание в съёмной квартире. Она поставит ультиматум, и тогда Денис окажется перед выбором. И неизвестно, кого он выберет. А если выберет её — что останется мне? Бегать по судам, делить ложки и вилки, выслушивать от адвокатов, сколько мне положено по закону?

Нет уж. Лучше я сама решу, когда и как это закончится. На моих условиях. Пока у меня ещё есть время подготовиться.

Итак, что мы имеет? Мне тридцать пять, двое маленьких детей и работа на удалёнке, которая приносит копейки. Квартира оформлена на нас обоих. Если я сейчас устрою скандал — что будет? Денис озлобится, начнёт защищаться, наймёт адвоката. Будет война за каждую табуретку, за каждый квадратный метр. Дети окажутся между нами как заложники.

Нет. Так нельзя. Я должна думать, а не чувствовать. Эмоции — это роскошь, которую я не могу себе позволить. У меня Егор и Ева, и им нужна крыша над головой, а не мать, которая рыдает на кухне и судится с отцом за половину дивана.

Достаю блокнот, в который записываю расходы, и начинаю считать.

Квартира куплена в браке. При разводе делится пополам. Но если продавать и делить — мы с детьми окажемся в однушке на окраине. Это не вариант.

Значит, квартира должна остаться нам. Целиком.

Денис зарабатывает неплохо, но он уже содержит Лену — снимает ей жильё и покупает подарки. Если к этому добавить алименты на двоих детей — двадцать пять процентов от дохода — денег на красивую жизнь у него не останется. Лена это поймёт быстро. Двадцатидвухлетние девочки не любят бедных мужчин.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.